

9. Платон. Собр. Соч. в 4-х т. Т 2. М. Мысль, 1993.
10. Платон Сочинения в 3-х т. Т. 2. под ред. А.Ф.Лосева и В.Ф. Асмуса. М. 1970.
11. Саенко Ю.И. Состояние общества. К вопросу о его измерении. // Социологические исследования. – 1999. - №10.
12. Симанов А.Л. Понятие «состояние» как философская категория. Новосибирск: Наука. 1982.

Мионов А.В.

АНТИУТОПИЯ: Я И ДРУГИЕ (к проблеме одиночества как социального феномена)

Идея «золотого века» никогда не покидала человечество. Передаваемая в легендах, преданиях, мифах, она создавала питательную среду для социальных проектов, ставящих перед собой задачу преобразования общества. Достижение гармонии между членами сообщества, бесконфликтность, устранение зла представлялись как возможные, но трудно выполнимые. Корыстная природа человека, соперничество, тщеславие воспринимались как препятствия к всеобщему счастью. Первая попытка умозрительного построения, предпринятая Платоном в его «Государстве», носила отпечаток эпохи формирования греческого государства, когда создавались условия для объединения под эгидой общей идеи. При этом не решались фундаментальные проблемы личностного существования. Греческого мыслителя волнует форма социальной организации, ее способность мобильно и динамично выполнять функции, направленные к общественному благу. Внутренняя жизнь гражданина регламентировалась в зависимости от сословия, к которому он принадлежал. Выполнение предписаний и правил, само по себе, освобождает от переживаний, отрицательных эмоций (все чувства человека должны носить коллективный характер и совпадать с государственными задачами).

Спустя 19 веков Томас Мор в своей «Утопии» берется соединить мироощущение человека с материальным уровнем производства. Справедливая реконструкция возможна, если победить голод, болезни, нищету, неграмотность, предоставить всем равные права, обеспечить демократический доступ к власти, и, как следствие, должно последовать смягчение нравов, преодоление пороков, позитивное изменение человеческой природы. Единственная объявленная цель – счастье, а средствами выступают наука, просвещение, искусство. «Заботиться о своей выгоде, не нарушая законов, есть требование благоразумия, а иметь в виду также и интересы общественных – твой долг» (4, 101). Вера в Разум радикально меняет акценты: правильное объяснив, воспитав, создав необходимые условия, индивид может стать другим: изменится его отношение к окружающим, утвердится новая шкала ценностей. Успехи Европы в естественных науках вселяли оптимизм, уверенность в том, что правильное использование достижений сможет переломить мировую историю, обратить ее к человеку, его нуждам и заботам.

XVII век ознаменовался появлением новых утопических произведений:

«Город Солнца» Т. Кампанеллы (1603), «Новая Атлантида» Ф. Бэкона (1627), «Республика Океания» Дж. Гаррингтона (1656). В них параллельно прослеживаются успехи техники и возможности использования их во благо человека. Авторы увлекаются материальной стороной вопроса, считая, что в подобной ситуации удовлетворение естественных потребностей создаст атмосферу радости, добросердечия, взаимопомощи.

Первые попытки практического осуществления были предприняты в XIX веке в США: община для страдающих от религиозной нетерпимости У. Пена, колония «Новая гармония» Р. Оуэна в штате Индиана, коммуна «Новые времена» Дж. Уоррена, поселения последователей Л.Н. Толстого. Специфика заключалась либо в способе производства (община шейкеров не признавала достижений цивилизации и стремилась к природе), либо в перераспределении полученных результатов (в зависимости от политических убеждений).

Экзистенциальные проблемы человека отодвигаются в утопиях на второй план, им уделяется небольшой объем, значимость их не рассматривается как актуальная. Зависть, насилие, тщеславие представляются зависимыми от материальных причин как источников конфликтов и противоречий. В качестве разрешения ситуации предлагается самое радикальное средство – отмена частной собственности. С ней ассоциируется неравенство, несправедливость, неоправданная жестокость. В XVIII веке Ж.Ж. Руссо поддержал эту идею, добавив объяснения причин лицемерия, равнодушия, цинизма у людей. Учение

К. Маркса также базируется на необходимости изменения форм собственности. Развитие человека представляется возможным только в том случае, если совершенствуются производственные отношения и производительные силы. Тоска, печаль, одиночество, отчаяние не попадают в социально-экономический контекст, не могут истолковываться в данных категориях, следовательно, им нет места в утопических произведениях, или коллективизм аксиоматически разрешает психологические и мировоззренческие трудности существования индивида. Последнее утверждение данных проблем берет свое начало в средневековом мышлении. Устойчивые связи внутри семьи, общины, профессионального союза, церковной группы связывают индивида в одно целое с окружающими, не оставляют его наедине с трудностями. К тому же, одиночество не воспринимается как значимая проблема, она заслоняется более насущными, имя которым – выживание. Благополучие, комфорт, ставшие нормой в XX веке, диктуют свои правила. По мере освобождения сознания от жестких нужд бытия (они принимают качественно иной характер: возникает потребность в эстетике, престиже, развлечениях, занимательном проведении досуга) и прибавления свободного времени внутренние вопросы ощущения себя в этом мире проявляются сильнее.

XX век ознаменовался появлением политических утопий, претендующих на ближайшее воплощение. Социализм и фашизм заявили о построении нового мира и нового человека. Философия и политика объе-

диняются, чтобы создать стройную систему взглядов, основанную на различных мировоззренческих принципах, но признающих интересы государства как наивысшие - в СССР и в Германии. Утрата личностью в этих странах своих прав - не только политических, социальных, но и духовных - рассматривается тоталитарными доктринами как необходимость исторического процесса, условие построения светлого будущего, осуществления всемирной справедливости. Регулирование частной жизни граждан теперь актуальная задача работы партийных органов, репрессивного аппарата, общественных организаций. Индивид, выходящий из-под контроля системы, переставший чувствовать свое единство с ней, является источником опасности для всех. Самостоятельность мышления, право распоряжаться самим собой отождествляются с подрывом фундаментальных ценностей, разрушением веры в непогрешимость выбранного пути. Одиночество – это устранение от коллективности, массового, привычного. Оно представляет угрозу своей альтернативностью, скрытой оппозицией, возможностью стать примером для подражания. И это уже проблема государственная. В СССР одиночество приравнивается к буржуазному индивидуализму и публично осуждается. С точки зрения партийной пропаганды, двух идеологических постулатов - «Человек человеку – друг, товарищ и брат» и «В стране созданы все условия для достижения личного счастья» - вполне достаточно для жизни большинства населения. Главными слагаемыми личной жизни должны оставаться общественные интересы и взаимодействие с коллективом. Вовлечение в спортивные секции, военизированные формирования, демонстрации, туристические походы, слеты по профессиям – часть государственной программы воспитания и контроля. Невнимание, игнорирование интересов группы ассоциируется с классовой отчужденностью, враждебностью или психической патологией. Дилемма «свой-чужой» проецируется не только на социально значимые моменты, но и охватывает всю полноту жизни, где коммуникация должна связывать с близкими по духу, происхождению и целям. Сам человек не может разобраться в сложности отношений, эмоций, чувств. Ему надо помочь. Идеологически выверенное товарищество призвано выполнить эту миссию. Стремление к одиночеству – ущербность, от которой нужно избавиться. Груз мыслей о смысле жизни, предназначении человека, его возможностях, личные утраты и потери, любовные переживания мешают позитивному настрою, лишают оптимизма и радости существования. Логика тоталитарного мышления – простая замена индивидуального мироощущения на коллективные идеалы. Чем масштабнее, нереальнее цели, тем сильнее пафос участия. Один человек не способен их осуществить. Нужно наполнить страну чувством грандиозности совершаемого, увлечь всеобщими планами. Передача себя, своей индивидуальности в обмен на жесткую сопричастность должны избавить от разочарований, терзаний, ощущения бессмысленности и никчемности. Нужность государству, нации, товарищам по борьбе и строительству нового мира заполняет вакуум одиночества. Тоталитарная система стремится перевести личность в состояние оптимально работающего механизма, лишённого отличительных качеств, унифицированного по критериям, разработанным за него, без учета индивидуальных особенностей.

Самые знаменитые антиутопии возникают в самый трагический период истории XX века. Гражданская война в России, зарождение и укрепление национал-социализма в Германии, диктатуры в Италии, Испании, Венгрии, концентрационные лагеря как средство борьбы с инакомыслием в большинстве европейских стран. Из идей всеобщего благоденствия, утопического счастья для всех политики (независимо от направленности) приступили к массовому террору против своих граждан. Произведения Е. Замятина «Мы» (1920), О. Хаксли «О дивный новый мир» (1932), Дж. Оруэлла «1984» (1949) объединены общим принципом неприятия тоталитарного будущего, сформированным трагическим настоящим. Социальная фантастика, как литературный жанр, в максимальной мере соответствовала критическому подходу к грядущей истории Европы и всего мира. Для авторов утопий приемы метафоричности и утрирования событий – не самоцель. Человек остается самой значимой проблемой: его жизнь, любовь, дружба, переживания, привязанности, порывы. Но они задаются вопросом: в какой степени в будущем обществе будут созданы условия для реализации внутренней жизни. Сможет ли индивид оставаться собой в рамках новой системы, какое счастье приготовили ему вожди и с чем он должен распрощаться, чтобы его достичь? Эти вопросы совпадают с вопросами, выявленными во времена написания романов, и они, тем самым, приобретают особое звучание. Стоят ли жертвоприношения того светлого будущего, во имя которого они приносятся?

Одиночество – неотъемлемая составляющая человеческого сознания. В зависимости от ракурса рассмотрения (социального, психологического, политического, национального и т.д.) она представляет комплекс проблем, наполненных драматизмом, переходящим в трагедию. Внутренняя боль, вызванная непониманием, недооценкой, душевной закрытостью, коммуникативной пустотой, отсутствием сопричастности, пониманием лжи и несправедливости происходящего, с которым надо мириться, разрушает личность, мешает полноценной эмоциональной жизни, лишает стимулов развития. В антиутопиях из личного затруднения, дела отдельного человека оно превращается, по определению системы, в пустое и иллюзорное. Во всех выше перечисленных произведениях присутствует социальный рецепт для борьбы со страшным пережитком прошлого (именно так толкуется данный феномен). Задача государства и каждого политически сознательного гражданина заключается в том, чтобы каждый мог ощутить свою слитность с коллективом, забыть о прежних терзаниях и отдать силы сознательному труду.

Авторов антиутопий объединяет осознание фундаментального принципа тоталитарного общества: оно должно быть стабильным, существовать без потрясений, изменений, сомнений. Любая сфера функционирует как самодостаточный механизм. Все ясно, понятно и четко. Цели определены на века, каждый знает, что от него требуется, на что он способен и чего может достичь. Все личное подчинено общегосударственным задачам, поэтому душевное состояние индивида рассматривается как составная часть успеха. Нельзя позволить настроениям, эмоциям, чувствам взять верх над рациональным устройством всей системы... «Когда страстями увлекаются, устои общества шатаются» (5, 594). Необходимо лишить человека предпосылок для

проявления своего эмоционального переживания. Одиночество – враг номер один для любого тоталитарного устройства. Общность и одинаковость служат стандартам социально полезного человека. Любые средства объявляются социально допустимыми, чтобы искоренить подобное явление. «...у нас одиночества нет...Мы внедряем в людей нелюбовь к уединению и так строим их жизнь, что оно почти невозможно» (5, 694). Спектр необыкновенно широк: от тотальной слежки, жестокости, предательства и физического устранения до гедонистической вседозволенности в удовлетворении основных желаний и потребностей. Если отнять у личности, сделать невозможным проявления самостоятельности, независимости, свободы, право выбора, заменить личные привязанности, верность на всеобщие, социально полезные – исчезает почва, порождающая чувство отстраненности, веры в собственную уникальность и неповторимость, остается стандартный член общества.

Все преимущества (или представляемые за таковые) – высокий уровень потребления, комфорт, использование техники для облегчения жизни человека предполагают отказ от свободы, некий взаимообмен между индивидом и государством. Признавая абсолютность выдвинутых лозунгов, единственно верный образ жизни, утверждаемый партией, «благодетелем», группой лиц, обладающих эзотерическим знанием, у гражданина появляется возможность стать совершенным (не желать большего, чем ему полагается, не терзаться ненужными вопросами, не испытывать разочарования, слабости, душевного спада). Любая попытка реализации личностного начала ведет к катастрофе – считают руководители вышеперечисленных государств. Проще жить как все, тогда не будет места сомнениям, двусмысленности, неоправданным ожиданиям. Отвергнув себя как неповторимое и уникальное существо, в человеке исчезает возможность одиночества. «Мы» – от Бога, а «я» – от дьявола (1, 392). Входным билетом в мир коллективного – синонима счастья – становится унификация. Любопытство и интерес к миру должны раствориться в целесообразности поступков. Доводы разума уничтожают эмоциональные всплески. На каждый вопрос есть уже готовый ответ, попытка выйти за эти пределы – опасность для существования, не только физического, но и душевного. Сталкиваясь с непонятным, нестандартным, человек расстается с однозначной картиной мира, созданной искусственно, хотя бы она была научно проверенной, отвечающей требованиям ценностей и взаимоотношений в системе. За осмыслением мира и своего места в нем приходит одинокое раскаяние. И вся тяжесть разорванного, расколотого бытия ложится грузом на одного человека, решившегося на утверждение своего «я». Нет больше опоры и поддержки в других, в идеологических установках. В государствах антиутопий фиксируется жесткая дилемма: или ты сам по себе, или вместе со всеми: или растворяешься в большом организме, имя которому – государство, или живешь вопреки всем.

Не признавая одиночество за естественную данность, рассматривая его как социальный феномен, в антиутопиях предлагаются способы преодоления, искоренение причин, его порождающих. Предложенные методы различаются не только политической позицией авторов, но в большей степени – временем написания. Роман Е. Замятина «Мы» создан в 1920 году. Последствия социального эксперимента в России трудно прогнозировались. «О дивный новый мир» О.Хаксли – в 1932 году – еще не раскрылась в своей грандиозности машина подавления, фашизм не получил рычаги государственного правления в Германии. С романом «1984» Дж. Оруэлла иная ситуация. Открылась завеса неизвестности о сталинских лагерях, о тотальном надзоре движения национал-социализма за всеми сферами жизнедеятельности. Уровень соответствия в художественных произведениях образов и реальности прямо пропорциональная, несмотря на нюансы. Для того чтобы не оставлять человека с самим собой, вывести из внутренней изоляции, его день должен быть расписан по часам, даже по минутам. Одно мероприятие сменяет другое, индивид должен привыкнуть к вынужденному коллективизму, свыкнуться с ним, а со временем и полюбить. «В принципе у члена партии не могло быть свободного времени и он никогда не оставался наедине с собой... Предполагалось, что если член партии не занят работой, едой, сном, он участвует в коллективном отдыхе, а делать что-нибудь в одиночку, даже гулять по улице, всегда считалось подозрительным» (3, 65). Ощущение других приходит через непрекращающиеся радиотрансляции (которые невозможно прекратить), через глаз наблюдающей камеры (от которой нельзя укрыться), наглядной агитации, заглядывающей прямо в глаза и воспитанного с детства лозунга: «Большой Брат видит тебя». Постепенно наступает неверие в свои личные силы, способности распоряжаться своей жизнью, только вместе, только под надзором и чутким руководством можно добиться достойных результатов. Потребность в мелочной регламентации формирует взаимозависимость, любое начинание обуславливается сотрудничеством, участием других. Не остается возможности для сокровенного. Олдос Хаксли вводит термин «взаимопользование», все принадлежит всем. Если человека лишить личных привязанностей, унифицировать общение, найти общий коммуникативный знаменатель, отпадает одна из составляющих экзистенциального одиночества. Каждый не хуже и не лучше других, так как все связаны общими целями. Нет больше дружбы и все товарищи. Общее аккумулирует частное. Отказ от любви, увлечений, воспитания детей, исходя из личных представлений, семьи отождествляется с выполнением долга, Пристрастия, созвучия, совпадение, гармония больше не играют существенной роли. Нужно сознательно избегать ситуаций, которые могут привести к восприятию себя через призму «инаковости». Несходство, различие, отсутствие взаимности, непонимание отталкивают друг от друга и, как следствие, наступают разочарование, апатия, индифферентность к происходящему. Взаимозаменяемость пропагандируется как средство решения личных проблем. Если не существует собственного идеала, его безболезненно подменяют инструкции, постановления, распоряжения. Они формируют идею во всеобщем масштабе, на все времена и для всех остается только одно – следовать им. Излишняя симпатия разрывает выверенную цепочку, возникает ситуация наделения другого исключительными качествами, надежда на большее, чем есть здесь и сейчас. Невоплощенность – путь к одиночеству. Вынужденная сексуальная вседозволенность у О. Хакс-

ли или «Антисексуальная лига» у Дж. Оруэлла стремятся к единственной цели – избавление человека от самого себя. Принимая правила игры, «я» уступает «мы». Нет больше страданий, мучений, вызванным неразделенным чувством, остается нейтральность в оценке партнера и грандиозные задачи общественного строительства. Даже в деталях не стоит демонстрировать свою непохожесть, например, увлечений красивыми вещами, оригинальным стилем одежды, обустройством жилья. Это тоже может незаметно привести к индивидуальному миру, вырастающему как преграда другим.

Но чтобы удерживать это общественное состояние, требуются невероятные идеологические и надзорные усилия. Враждебность скрепляет людей сильнее, чем любовь, дружба, профессиональные интересы. Страх не отпускает сознание, образ врага, угроза, ассоциирующаяся с ним, заставляет искать поддержку у своих. В противостоянии сильнее ощущается собственная беспомощность и незащищенность. Страх за жизнь подавляет волю. Сообщество – единственная надежда и опора. Нужно выполнить все предписания и требования, отказаться от индивидуальности. И, таким образом, избавиться себя от опасности. Всеобщая подозрительность, нагнетание слухов создают атмосферу непрекращающейся войны. Можно легко лишиться и того малого, что выделено государством. Чем страшнее картина столкновения, чем больше становится известно о его коварстве, жестокости, изощренных приемах, насаждаемой социальной пропагандой, тем сильнее желание слиться с другими. Грань лжи и правды стирается, самосохранение диктует свои законы и установки. «Когда человек один, то есть когда он свободен, он обречен на поражение. Да иначе быть не может, потому что человек смертен, а это величайшее поражение. Но если он способен на полное безоговорочное подчинение, если он может перестать быть собой и раствориться в Партии, чтобы стать Партией – он всемогущ и бессмертен» (3, 194). Постоянные собрания, митинги, демонстрации должны придать ощущение монолитности, единства «я» со своими. Одиночество в подобном случае воспринимается как предательство, отступление, сознательная иллюстрация своей чуждости, нежелание разделить испытания и трудности. Искусственно моделируемый страх остаться вне ведет к безоговорочному признанию предлагаемых идеологических положений и вытекающих действий. Изоляция, чувство изгоя толкает на сверхуровне доказать всем: «я свой», «я такой же», не останавливаясь перед нравственными барьерами (воспринимаемыми как пережитки, рудименты прошлой чуждой культуры).

Человек сам формирует свой внутренний мир, самую закрытую для других плоскость существования. Переживания, житейский опыт, устремления – факторы, позволяющие найти адекватную форму внешнего проявления и глубинных процессов сознания. Личностное восприятие окружающего включает расхождения, несоответствия, претензии, обиды, перерастающие в устремление от социальной среды. Непохожесть, оригинальность, неповторимость «я» пытаются нейтрализовать в антиутопиях всеми доступными средствами. Гражданину остается «внутреннее одиночество», которое он тщательно скрывает, принуждая себя демонстрировать упоение коллективной жизнью. В этих пределах он чувствует себя таким, какой он есть. Не нужно лгать, притворяться, лицемерить, так как надзирающие зрители отсутствуют. При высоком уровне техники в описанных государствах все же не разработали способы проникать в сознание, фиксировать подлинные мысли. Внутреннее одиночество и свобода тождественны. Политическая система представляет подобное как патологию, болезнь, нуждающуюся в лечении. Психотропный препарат «сомма» в «О дивном новом мире» О. Хаксли прописывается всем, ощутившим разрыв с миром. В «1984» Дж. Оруэлла происходят постоянные публичные сеансы предъявления своего внутреннего мира товарищам по партии, по работе, по отдыху. Главное – не обмолвиться, не спровоцировать подозрений, что есть нечто, принадлежащее только тебе. Таким образом, одиночество становится мечтой, желаемым, необыкновенно привлекательным в силу трудности достижения. «Уединение – очень ценная вещь. Каждому хочется иметь место, где иногда можно побыть одному» (3, 107). Насильственно навязанная коллективность только обостряет это чувство. У индивида есть еще один путь оторваться от действительности – предаться фантазиям (это не контролируемая системой сфера). В мечтах рисуется иная картина жизни, в ней другие герои, другие цвета, особый накал отношений между людьми. Расхождение виртуального и реального становится основанием личной драмы, разочарованием и, как следствие, стремлением к одиночеству. Поэтому в государствах антиутопий культивируется жесткая прагматичность: нет никакой необходимости индивиду стремиться к самоизоляции и, тем самым, наносить себе непоправимый вред.

Дж. Оруэлл пишет о сокращении естественного языка и замене его новоязом. Понятия, не связанные с общественно значимыми явлениями должны исчезнуть, и тогда не останется выражений, адекватно отвечающих личным переживаниям. Лексический запас будет соответствовать человеку коллектива, группы, его индивидуальные особенности не найдут отражения в общепринятых, понятных другим и себе словах. Таким образом, можно вытеснить настроение, эмоции из сознания человека. Сопереживания не будут иметь своего словесного носителя. Воспитание и обучение производится в пределах отобранных, идеологически выдержанных категорий. Несовпадение переживаний, духовных ощущений и общепринятых положений наталкивает на мысль об ошибке, ложности своих впечатлений. «Цель новояза не только в том, чтобы последователи Англоца (английского социализма – А.М.) имели необходимое средство для выражения своих мировоззренческих и духовных пристрастий, но и в том, чтобы сделать невозможным все иные способы мышления» (3, 219). Понятия одиночества в нем отсутствуют. Механически сочиняемая литература, радио, наглядная агитация не содержат никаких упоминаний о личностных чувствах гражданина, только распоряжения, наставления, указания. Надежда руководителей английского социализма связывается с тем, что память утратит не только само понятие одиночества, но и воспоминания о чувстве, им вызываемом.

Одиночество как личностная проблема не решается в математических формулах. Желание быть собой влечет груз последствий и одиночество – одно из них. Индустриальные антиутопии породили пессимизм, представления об искусственном счастье, где личность во всем многообразии лишается своих индивиду-

альных качеств.

Ф Аинса в статье «Нужна ли нам утопия?» отмечает: «В XX веке реализовались стороны утопической мысли, внушающие страх и даже ужас. Растущая механизация, обезличивание, бюрократизм, засилье государства оборачиваются против человека» (2, 14). Абсолютизация науки и техники приводит к парадоксальному феномену: цель создания новых сообществ связывается с совершенствованием процесса потребления, достижения благополучия, морального и душевного комфорта, удовлетворения и успокоения. Представления о счастье заменяются идеей благоустройства, устойчивости системы. Человека насильственно привязывают к коллективу через психотропные средства, генетические операции, примитивный страх. Проблема одиночества устраняется как несуществующая, тем самым человек лишается собственного мироощущения, стимулов развития и личностного роста. Личность и тоталитарное общество оказываются явлениями несовместимыми.

Источники и литература

1. Замятин Е. Избранное./ Е. Замятин.- Москва: изд-во Правда, 1989. – 462 с.
2. Курьер «ЮНЕСКО»./Журнал. – Москва, 1991, № 4. – 50 с.
3. Оруэлл Дж. Скотный двор./Дж. Оруэлл. – Пермь: изд-во «Капик», 1992. – 304 с.
4. Утопический социализм XVI –XVII веков./Хрестоматия. – Москва: изд-во Художественная литература, 1971. – 492 с.
5. Хаксли О. Контрапункт. О дивный новый мир. Обезьяна и сущность./О. Хаксли О. – Москва: изд-во АСТ, 2002. – 982 с.

Остапенко С.А.

ФЕНОМЕН ЯВЛЕНИЯ «ПЕРЕХОДНОСТИ»: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Цель данной статьи – обращение к проблеме «переходности» определенных периодов культуры, рассматриваемой в контексте синергетической теории развития. В наше время наблюдается усиленный интерес к нестабильным и неустойчивым состояниям, которые являются объектом изучения новой парадигмы исследования исторического времени - синергетики. Это обусловлено современными проблемами как всей культуры, так и социокультурной обстановки на постсоветском пространстве. Синергетика – наука развивающаяся, с еще не до конца установившейся методологией и принципами, которые требуют дополнения и уточнения, в том числе, это касается явления «переходности». Что же представляет собой синергетика?

Синергетика (от греч. *synergetikos* - совместный, согласованный, действующий) – это наука, изучающая законы самоорганизации. Сам термин был предложен Германом Хакеном, немецким физиком, профессором Штутгартского университета. Основой данной теории выступает работа И. Пригожина и И. Стенгерс «Порядок из хаоса», в которой сконцентрировано центральное положение синергетики: хаос является предпосылкой возникновения порядка посредством самоорганизации системы. Как известно, эта идея уходит корнями в далекое прошлое и сближает две картины мира – мифологическую и синергетическую. Иллюстрацией высказанной мысли служат примеры из греческой доолимпийской мифологии, отраженной в «Географии» Гесиода: «Все возникло из безграничного Хаоса - весь мир и все бессмертные боги». В шумеро-аккадской мифологии: Бог Мардук побеждает Тиамат – богиню Хаоса, из которой возникает мир. Подобная ситуация наблюдается и в египетской мифологии: Бог Ра сражается с драконом Апопом, олицетворением Хаоса, для поддержания порядка и т.д. Мы видим близость принципов синергетики и даосизма, в мифологических сюжетах которого говорится о происхождении мира из великого хаоса «Ци», а закон самоорганизации представляет собой Срединный Путь. Опираясь на теорию синергетики, мы видим смену доминирования Порядка и Хаоса, стабильности и неустойчивости, аттракторов и бифуркаций. Аттракторы – (лат. *attractio* - притяжение) – это упорядоченные, стабильные состояния, притягивающие к себе элементы системы, характеризующейся локальностью и низким уровнем энтропии, мерой неупорядоченности. Однако с ее увеличением система выпадает в точку бифуркации (от лат. *virfucus* - раздвоенный) — ветвления пути системной эволюции. В них происходят эффекты самоорганизации: внезапное появление внутренней системной структурированности.

В целом, родившись в лоне термодинамики, синергетика завоевывает междисциплинарный статус, так как ее модель развития оказалась переложимой на другие явления жизни, в частности, на культурные процессы. Об этом пишут О.Н. Астафьева, А.Ю. Мережинская, Н.А. Хренов и многие другие. Идеи же о противоположных состояниях культуры корнями уходят в противостояние идеализма Платона и материализма Аристотеля, отраженного в его «мимесисе» - подражании Природе. Свою дальнейшую интерпретацию эти идеи получают в концепциях Ф. Ницше, говорившего о двух началах в культуре: аполлоническом и дионисийском. Первое характеризуется чувством меры, самоограничением, спокойной неподвижностью. Второе – чувственностью, жизненным потоком, динамикой, соотносящейся с состоянием опьянения. Однако все эти противоположности находятся в диалектическом единстве. О смене культур идеационального и чувственного типа, между которыми находится идеалистический, говорил П. Сорокин. Первый – это «сверхчувственная культура», религиозная, благочестивая, эфирная, аскетическая, символическая. Второй – эмпирическая культура, сенсационная, страстная, патетичная, возбужденная. Идеалистическая культура – посредник, сочетающий особенности двух предыдущих типов. И непосредственно о смене устойчивых и переходных культурных эпох писал О. Кривцун в своей работе «Эстетика»: «Наблюдая изменение типов художественного видения в контексте европейской духовной культуры, можно обнаружить такую тенденцию,